

Семантические идеи Х.Патнэма

На протяжении всей истории аналитической философии проблема значения была и остается одной из ее центральных тем. Семантические исследования последних десятилетий лишний раз подчеркивают неослабевающий интерес философов к этой проблеме. Можно без преувеличения сказать, что “антименталистская” критика “традиционной” теории значения является одним из наиболее важных событий в аналитической философии последнего времени. Начало этой критике положили создатели так называемой “новой теории референции”, в число которых входит видный американский философ и логик Хилари Патнэм. Рассмотрению его семантических идей и посвящена настоящая статья.

Параллельно с Патнэмом, хотя и независимо от него, несколько других философов (К.Доннелан, С.Крипке, Д.Каплан и др.) выдвинули близкие идеи по проблеме значения, что и послужило основанием для объединения этих идей под общим названием “новой теории референции”. Несмотря на очевидное концептуальное сходство, подходы упомянутых авторов, безусловно, имели и различия, обусловленные во многом тем, что они применялись к анализу различных категорий языковых выражений: имен собственных (Крипке, Доннелан), терминов естественных видов (Крипке, Патнэм), индексальных выражений (Каплан).

Мы сможем лучше понять место новой теории референции в контексте современных исследований по проблеме значения, если посмотрим на нее как на проявление одной важной тенденции в развитии философии языка. Со времен Декарта и Локка философы, как правило, придерживались той точки зрения, что слова и выражения нашего языка являются знаками идей и используются прежде всего для выражения наших мыслей. Дж.С.Милль и Г.Фреге положили конец такому пониманию языка, провозгласив, что наши слова служат для обозначения объектов в реальности, а не идей в нашем сознании. Основной функцией языка, с их точки зрения, является вычленение предметов в окружающем нас мире с тем, чтобы высказывать о них истинные утверждения. Поместив на место ментальных образов предметы окружающего мира, Милль и Фреге, однако же, не полностью изгнали идеи из теории значения. Так, согласно Фреге, значение сло

ва представляет собой двухкомпонентное образование: слово обозначает некоторый объект и выражает некоторый смысл (или идею), т.е. то, что мы мысленно схватываем, когда понимаем слово. Это понятие “смысла” (у Милля – понятие “коннотации”) и образует тот “менталистский” элемент, который позволил ряду современных философов отнести теорию значения Фреге к картезианской “менталистской” традиции. Этот менталистский элемент еще более усилен постулатом Фреге о том, что смысл языкового выражения определяет его предметное значение, или, в современной терминологии, его референцию. Это следует понимать так, что референтом слова будет тот объект, который удовлетворяет характеристикам, включенным в смысл этого слова, т.е. смысл задает “путь” к референту, позволяет соотнести слово с определенным элементом мира. Своей семантической концепцией¹ Фреге во многом задал парадигму всех последующих рассуждений о значении в рамках аналитической философии. В то же время в развитии философии языка после Фреге просматривается отчетливая тенденция избавиться от понятия смысла и, таким образом, довести до конца дело, начатое Миллем и Фреге. Это объясняется не в последнюю очередь тем, что понятие “смысла” не поддается выражению в формальном виде и его трудно анализировать логико-математическими методами. Поэтому аналитические философы, для которых строгость и точность анализа всегда были важными атрибутами метода философствования, стремились свести к минимуму или вообще устранить из теории значения понятие смысла. История аналитической философии в XX веке знает немало попыток представить отношение между языком и миром как прямое, не опосредованное никакими ментальными сущностями². Новая теория референции является очередной попыткой в этом направлении. Ее главный тезис не нов: референция важнейших категорий языковых выражений (имен собственных, терминов естественных видов и индексальных выражений) устанавливается без посредничества смысла. Новизна этой теории составляют способ обоснования этого тезиса и предложенный взамен механизм установления референции.

Как уже отмечалось, новая теория референции была предложена как антитеза традиционному подходу. Но что в данном случае понимается под “традиционной” теорией? Сторонники новой теории референции, как правило, указывают, что традиционная теория значения восходит к идеям Фреге и Рассела и представляет собой ту совокупность положений, которую обычно излагают в учебниках и справочных изданиях по семантике и на которую явно или неявно опираются современные философы, когда рассуждают о значении. При

формулировке традиционной теории современные авторы обычно используют не предложенные Фреге понятия смысла и предметного значения, а синонимичные им понятия интенционала и экстенционала, введенные Карнапом³. Помимо тезисов Фреге о двух компонентах значения и об определении экстенционала интенционалом традиционная теория, по мнению ее современных критиков, содержит также положение о том, что смысл (или интенционал) языкового выражения представляет собой множество дескрипций свойств и характеристик, которые присущи обозначаемому им объекту (или объектам). Это положение восходит к теории дескрипций Рассела, согласно которой даже обычное имя собственное является “скрытой” или “сокращенной” дескрипцией. Очень важную роль в традиционной теории значения играет понятие аналитической истины, которое позволяет описать механизм установления референции. Предложение считается аналитическим, если его истинность устанавливается на основе интенционалов входящих в него терминов. Если Р – свойство, входящее в интенционал термина Т, то утверждение “Все Т есть Р” является аналитически истинным, а в соответствии с традиционной трактовкой аналитической истины оно является априорным и необходимым. Отсюда следует, что обладание характеристиками, включенными в интенционал термина, образует необходимое и достаточное условие для отнесения объекта к экстенционалу данного термина.

Хотя изложенную совокупность положений вряд ли можно приписать какому-либо конкретному философу, она, по мнению сторонников новой теории референции, образует квинтэссенцию традиционного подхода к проблеме значения и потому является главным объектом их критики.

С разработкой новой теории референции связан довольно большой период в творчестве Патнэма, охватывающий десятилетие с середины 60-х годов по середину 70-х годов. В течение этого периода вышли такие важные статьи Патнэма как “Возможна ли семантика?” (“Is Semantics Possible?”, 1970), “Значение и референция” (“Meaning and Reference”, 1973), «Значение “значения”» (“Meaning of Meaning”, 1975), а в 1975 году Патнэм опубликовал второй том своих философских работ “Сознание, язык и реальность” (“Mind, Language and Reality”), в котором были суммированы и обобщены полученные результаты. Семантическая концепция имеет необычную судьбу в творчестве Патнэма, которого отличает неустанный философский поиск, выражающийся в разработке все новых и новых решений и в довольно частой смене своих взглядов. Меняя свою позицию по тому или иному вопросу, Патнэм не устает подчеркивать приверженность, в

главном, своим прежним семантическим идеям. Создается впечатление, что теория референции представляет собой то немногое в убеждениях Патнэма, что сохраняет “инвариантность” на всем протяжении его богатой изменением творческой биографии. Но это не совсем так. Поскольку эта теория занимает важное место в обосновании предложенных им на разных этапах своего творчества концепций реализма, при всей неизменности формулировок ряда ключевых положений этой теории, они получают очень разное истолкование в контексте этих разных концепций реализма, последовательно развиваемых Патнэмом.

Патнэм разработал свои критические аргументы и конструктивные семантические идеи применительно к терминам естественных видов. Термины естественных видов – это слова, служащие наименованиями природных веществ, животных, растений и физических величин (например, “вода”, “тигр”, “лимон”, “электричество” и т.д.). К этой категории языковых выражений относится большинство научных терминов. Помимо такой общей характеристики не было предложено никакого строгого определения терминов естественных видов, однако специфику этих терминов призвана раскрыть их теория референции, которую поэтому и называют теорией естественных видов.

По существу, Патнэм выдвигает два основных аргумента против традиционной трактовки значения общих терминов (разновидность которых составляют термины естественных видов). Первый аргумент, изложенный в статье “Возможна ли семантика?” (1970), по своему характеру очень близок к критике традиционной теории имен собственных в работах Крипке и Доннелана⁴. Согласно этому аргументу неудовлетворительность традиционного понимания значения общих терминов станет совершенно очевидной, если попытаться определить в традиционном духе значение какого-нибудь термина естественного вида, например термина “лимон” или “золото”. При традиционном подходе значение термина “золото” формулируется в виде дескрипции “тяжелый, неокисляющийся, твердый металл желтого цвета, растворимый в царской водке” или в виде любой другой аналогичной дескрипции, и предполагается, что любой объект, обладающий перечисленными свойствами, является золотом. Неадекватность такой трактовки Патнэм видит в том, что естественный вид может иметь аномальных членов, которые не удовлетворяют соответствующей конъюнкции свойств, но тем не менее принадлежат к данному естественному виду. Например, “зеленый лимон (который так никогда и не пожелтеет) все же является лимоном, тигр с тремя ногами – все же тигр, а золото в газообразном состоянии не перестает быть золотом”⁵.

Другая трудность, с которой сталкивается традиционная теория, состоит в невозможности указать такую конъюнкцию свойств, которая позволила бы выделить естественный вид единственным образом. Никогда нет гарантии, по мнению Патнэма, что не будет обнаружено такое вещество или животное, которое полностью удовлетворяет дескрипции свойств соответствующего естественного вида, но которое тем не менее в силу своей внутренней природы не принадлежит к данному виду.

Итак, основная идея этого аргумента состоит в следующем: ни одно из свойств, обычно включаемых в интенционал термина естественного вида, не годится для аналитического определения этого вида, поскольку согласно традиционному истолкованию аналитической истины она должна быть априорной и необходимой, а ни одно из указанных свойств нельзя считать необходимым, так как принадлежность объекта к некоторому естественному виду может не зависеть от обладания этими свойствами. Однако интенционал слова может содержать дескрипции существенных свойств естественного вида, которые являются необходимыми. Например, интенционал слова “вода” мог бы содержать дескрипцию “иметь химическое строение H_2O ”. Однако, согласно Патнэму, это возражение не способно устранить выявленную несостоятельность традиционного подхода, поскольку существенные свойства также не пригодны для аналитического определения естественных видов. Утверждение “Вода есть H_2O ” не является аналитически истинным, поскольку его истинность, будучи вопросом научного открытия, не является априорной. Вполне возможно, что это утверждение окажется ложным, если когда-нибудь обнаружатся серьезные ошибки в химической теории.

Второй аргумент Патнэма против традиционной теории значения поднимает более глубокий пласт проблем. Согласно этому аргументу традиционная теория значения опирается на два допущения, которые не могут быть одновременно истинны. Первое допущение устанавливает, что понимание значения слова связано с пребыванием в определенном ментальном (или психическом) состоянии. Это допущение лежит в основе характерного для традиционной теории отождествления интенционала (или смысла) с концептом и в признании того, что концепты должны каким-то образом опосредоваться ментальными репрезентациями. Второе допущение связано с тем фактом, что интенционал слова определяет его экстенционал, в том смысле, что интенционал образует необходимое и достаточное условие для вхождения объекта в экстенционал. Если принять указанные

допущения, то нужно признать, что “происходящее в нашей голове” должно детерминировать то, на что указывают наши слова.

Однако, считает Патнэм, ментальное состояние не может определять экстенционала термина. Для доказательства этого Патнэм предложил небольшой научно-фантастический рассказ о Земле-Двойнике и воде: где-то далеко в космосе существует планета “Земля-Двойник”, которая во всем похожа на Землю, за тем исключением, что океаны, моря и реки на этой планете наполнены жидкостью, которая при нормальной температуре и нормальном давлении неотличима от воды, но не описывается формулой H_2O . Эта жидкость имеет вкус воды и способна утолять жажду, но ее химическое строение выражается очень сложной формулой, которую для краткости можно записать как XYZ. Земля-Двойник населена людьми, которые очень похожи на жителей Земли и которые тоже говорят по-английски. Их английский язык ничем не отличается от земного, за тем исключением, что слово “water” (“вода”) обозначает у них указанную выше жидкость XYZ. Допустим, ни на Земле, ни на Земле-Двойнике не известна химическая формула воды (что имело место, например, в 1750 г.). Поэтому если выбрать двух человек, один из которых жил в 1750 г. на Земле, а другой – на Земле-Двойнике, но которые были точным подобием друг друга, включая внешность, чувства, внутренние монологи и т.д., то следует признать, что, думая о воде, и тот, и другой находились в одинаковом ментальном состоянии. Но, согласно Патнэму, экстенционал слова “вода” в 1750 году был на Земле таким же, как в 1950 году (то есть H_2O), а экстенционалом слова “вода” на Земле-Двойнике и в 1750, и в 1950 году было вещество XYZ. Таким образом, этому различию в референции слова “вода” на Земле и Земле-Двойнике не соответствует никакое различие в ментальном состоянии жителей той и другой планеты, которое могло бы служить объяснением различия в экстенционалах. Это означает, что лежащие в основе традиционной теории значения допущения не могут быть истинны. Отсюда Патнэм делает вывод, что экстенционал терминов естественных видов не определяется концептом, локализованным в голове говорящего.

Отказавшись от смысла как механизма, определяющего и систематически обеспечивающего референцию имен собственных и терминов естественных видов, сторонники новой теории референции оказались перед необходимостью предложить иной “механизм” определения экстенционала. Обобщенно их основной тезис в решении этой проблемы можно сформулировать так: референция указанных выражений устанавливается благодаря внешним нементальным факторам.

Так, согласно Патнэму, в установлении референции терминов естественных видов участвуют два фактора: социальный (в силу того, что существует “разделение лингвистического труда”) и природный (благодаря тому, что “сами естественные виды играют определенную роль в установлении экстенционалов терминов, которые на них указывают”⁶).

Действие социального фактора Патнэм описывает с помощью “социолингвистической гипотезы”. Хотя эта гипотеза формулируется с использованием понятия смысла, ее цель – показать, что “смыслы” – это не то, что локализовано в голове отдельного носителя языка.

Патнэм рассуждает следующим образом. Согласно традиционной теории значения человек понимает некоторое слово, если усвоил его смысл. Но учитывая, что смысл слова часто представляет собой довольно сложную совокупность информации, следует признать, что очень небольшое число людей владеет смыслами и, следовательно, понимает слова. Тогда огромное большинство носителей языка можно было бы обвинить в том, что они не понимают те слова, которые используют. Но такое предположение, по мнению Патнэма, является абсурдным, поскольку для того, чтобы понимать и использовать слово, совсем необязательно в полном объеме знать “фрегевский” смысл слова. Вполне достаточно, считает Патнэм, положиться на экспертов, которые владеют этим смыслом, а кроме того, владеют методом распознавания (например, золота) и благодаря которым этим методом «владеет весь языковой коллектив, хотя он и доступен не всякому индивидуальному представителю коллектива: таким путем частью общественного знания слова “вода” могут стать самые специальные сведения о воде, хотя они и не известны большинству людей, в чей лексикон входит слово “вода”»⁷. Из этого следует, что в лингвистическом сообществе существует разделение труда, связанное со знанием и использованием разных аспектов “значения” слов и опирающееся на обычное разделение труда. Вследствие этого лингвистического разделения труда к определению референции терминов естественных видов имеют отношение не обрывочные и неполные “смыслы”, локализованные в головах отдельных людей, а та детальная информация и методы распознавания, которыми владеют эксперты⁸.

Наряду с разделением лингвистического труда Патнэм указывает второй фактор, который, по его мнению, играет наиболее важную роль в установлении референции терминов естественных видов. Этот фактор состоит в том, что экстенционал термина естественного вида “частично устанавливается внешним миром”⁹. В основе этого утверждения лежит допущение, что любой естественный вид (будь то биологический вид, природное вещество или физическая величина) пред

полагает наличие у его членов общей внутренней природы (или сущности), выражающейся в общей внутренней структуре, общих существенных свойствах или общих объективных законах, управляющих поведением или развитием членов данного естественного вида. Человек познает эту внутреннюю природу естественных видов в ходе развития науки, поэтому, по мнению Патнэма, “в определении экстенционала парадигмы и исследовательские программы, открывающие законы (или повышающие точность имеющихся законов), занимают место, которое ранее отводилось жестко сформулированным необходимым и достаточным условиям”¹⁰.

Аналогичную позицию занимает и Крипке, который определяет термины естественных видов как жесткие десигнаторы, то есть как выражения, обозначающие одни и те же объекты во всех возможных мирах, в которых эти объекты существуют. Термины естественных видов потому являются жесткими десигнаторами, что виды обладают необходимыми существенными свойствами, то есть свойствами, присущими им во всех возможных мирах, в которых эти естественные виды существуют. Например, слово “золото” жестко указывает на одно и то же вещество во всех возможных мирах, где оно присутствует, в силу того, что оно обладает необходимой внутренней природой, а именно – атомным весом, равным 196.

Однако констатацию того, что естественные виды “сами выполняют работу” по установлению экстенционалов своих терминов благодаря присущей им внутренней природе, еще нельзя считать полным объяснением механизма референции, поскольку здесь еще не указано, как устанавливается связь между внешними объектами и терминами нашего языка. Для Крипке и Патнэма таким механизмом, объясняющим референцию, являются каузальные связи между носителями языка и референтами используемых ими слов. Благодаря этому обстоятельству концепцию Крипке и Патнэма часто называют “каузальной теорией референции”.

Для описания каузального механизма в определении референции терминов естественных видов Патнэм вводит понятие “парадигмального” или “стереотипного” образца естественного вида. Всегда имеет место некоторое “первоначальное” присвоение термина определенным представителям естественного вида, которые таким образом становятся парадигмальным образцом этого вида и по отношению к которым устанавливается принадлежность других объектов к этому виду. “Действительные вещи, какова бы ни была их дескрипция, сыгравшие определенную каузальную роль в нашем овладении и последующем использовании терминов, определяют, на что указыва

ют эти термины. Термин указывает на некоторый объект, если последний стоит в правильном отношении (...имеет тождество природы) к этим экзистенциально данным вещам¹¹. Таким образом, согласно Патнэму, тождество по природе определенной вещи с парадигмальным образцом некоторого естественного вида является необходимым и достаточным условием для принадлежности этой вещи к данному виду и, соответственно для вхождения этой вещи в экстенционал термина этого вида. Например, некоторый объект является лимоном благодаря обладанию той же самой природой (в данном случае – той же самой ДНК), что и парадигмальные лимоны, а не благодаря его соответствию некоторому набору заранее сформулированных критериев (желтый цвет, толстая кожура, кислый вкус и т.д.). Следует отметить, что указанное отношение тождества является теоретическим в том смысле, что оно выражает тождество внутренней природы, и поэтому для его установления может потребоваться достаточно сложное и длительное научное исследование. Это же обстоятельство объясняет и возможность ошибочного отнесения того или иного объекта к некоторому естественному виду, как это было в случае с веществом XYZ в мысленном эксперименте с Землей-Двойником. Жидкость на Земле-Двойнике, в точности совпадающая по своим внешним феноменологическим свойствам с водой, не является водой, поскольку она не имеет тождественной природы с той жидкостью, которую называют водой на Земле.

Хотя многих философов убедили аргументы Патнэма и Крипке в неадекватности традиционной дескриптивной семантики, их собственные конструктивные идеи сами встретили довольно жесткую критику. Теория естественных видов дала повод для многочисленных обвинений Патнэма и Крипке в эссенциализме. Признание внутренней природы, конституирующей естественный вид, было расценено как возврат к “давно дискредитировавшей себя” локковской (или даже аристотелевской) идее “реальной сущности”. Более того, обоснование инвариантности референции терминов естественных видов ссылками на внутреннюю природу и существенные свойства и признание возможности ошибочного отнесения того или иного объекта к экстенционалу некоторого термина означали, что экстенционалы терминов естественных видов формируются независимо от человека и его знания об окружающем мире и корректное употребление этих терминов находится в прямой зависимости от уровня развития науки. Однако это явным образом противоречит сложившейся практике употребления языка. Не меньше вопросов вызывает и тезис о том, что референция устанавливается напрямую, в “церемонии первого крещения (или

именования)”, а затем по каузальной цепочке передается от одного говорящего к другому. Однако каузальные связи могут объяснить референцию имен только тех объектов, с которыми мы знакомы по опыту. Но огромное большинство используемых нами имен принадлежит объектам и индивидам, с которыми мы не связаны никаким каузальным контекстом. В случае этих имен механизм передачи референции по каузальным цепочкам является очень слабым объяснением. Поскольку единственным гарантом того, что референция имени будет сохранена, являются намерения говорящих употреблять имя с той же референцией, с какой его употребляли люди, “передавшие имя по цепочке”, то становится совершенно непонятно, почему имена, переданные нам через многие годы или даже столетия, тем не менее сохранили свою референцию несмотря на то, что передача их по цепочке наверняка была связана с различными ошибками, неправильными интерпретациями, искажениями и т.д. Это означает, что референция – это некоторый “таинственный трюк, который каким-то образом передается и, будучи переданным, не может быть утрачен”¹².

Следует отметить, что в 60–70-е гг. Патнэм еще не готов свести значение термина к его экстенсионалу; он выбирает стратегию дальнейшей дифференциации понятия значения. Признавая, что исчерпывающее определение значения – это задача будущего научного исследования, Патнэм предлагает лишь его общую идею – представить значение как “вектор”, образованный из следующих компонентов: 1) синтаксические маркеры, описывающие грамматическую категорию термина (например, “нарицательное существительное” или “собирательное существительное”); 2) семантические маркеры, указывающие, к какой категории вещей применяется данный термин (например, в случае “воды” такими семантическими маркерами являются определения “естественный вид” и “жидкость”); 3) описание стереотипа (в случае “воды” описание стереотипа включает такие характеристики, как “бесцветная, прозрачная, лишённая вкуса, утоляющая жажду” и т.д.) и 4) дескрипция экстенсионала (например, H_2O). На первый взгляд может показаться, что стереотип в этом определении ничем не отличается от фрегевского смысла. Однако Патнэм специально подчеркивает, что стереотип в отличие от смысла не определяет экстенсионал термина и не имеет аналитических определений. Тот факт, что некоторая характеристика (обозначим ее P) входит в стереотип термина X , не означает, что утверждение “Все X есть P ” является аналитически истинным. Так, стереотипной характеристикой тигра является полосатость, но тигр без полос тем не менее остается тигром.

Хотя в целом подобное направление разработки теории значения представляется довольно оправданным и перспективным, решение, предложенное Патнэмом, является наименее интересной частью его вклада в современные дискуссии по проблеме значения. И здесь нельзя не согласиться с ироничной характеристикой И. Хокинга, который отметил сходство между структурой значения, предложенной Патнэмом, и теми компонентами, из которых состоит любая справочная статья в словаре. Как правило, такая статья начинается с фонетической транскрипции и грамматики, после чего следует этимология слова, а затем множество сведений, включая примеры употребления. А поскольку Патнэм строит свое описание структуры значения из аналогичной строки компонентов, то, иронично замечает Хокинг, «можно сказать, что он начал движение “Назад к словарю”»¹³.

Творческая эволюция Патнэма, выразившаяся в его отходе от “научного реализма” и в создании концепции “внутреннего реализма”, которая наиболее полно представлена в его работе “Разум, истина и история” (“Reason, Truth and History”, 1981), внесла определенные коррективы и в его семантическую концепцию. Патнэма уже не устраивает определение значения как четырехкомпонентного образования, где такой элемент, как стереотип, имеет прямое отношение к сфере ментального. Он предлагает иную трактовку тезиса о том, что значения не находятся в голове говорящих, – более близкую по духу к идеям Витгенштейна. Согласно этой трактовке концепты, с которыми связано значение наших слов, представляют собой знаки, употребляемые ситуативно надлежащим образом, а вовсе не “ментальные репрезентации, которые с необходимостью указывают на внешние объекты”¹⁴.

Под влиянием критики Патнэм существенным образом пересматривает и тезис о том, что природа сама устанавливает референцию наших терминов. И хотя он не отказывается от этого тезиса и продолжает придавать важное значение каузальному взаимодействию при установлении референции, он отмечает, что не нужно представлять дело так, будто вначале имеются объекты сами по себе, а затем человек с помощью некоторого “лассо” заарканивает часть из них (например, тех лошадей, с которыми он имел каузальное взаимодействие). Тогда возникает проблема, как охватить словом оставшуюся часть объектов (например, тех лошадей, с которыми не было каузального взаимодействия). Решить эту проблему, по мнению Патнэма, можно, лишь предположив, что слово автоматически покрывает оставшиеся объекты, поскольку все объекты являются “самоидентифицирующимися”. А это означает, что природа сама, а не человек сортирует вещи по родам. Но, как отмечает Патнэм, объекты, из кото

рых состоит мир, в большей степени являются “продуктами нашего концептуального изобретения, а не “объективного” фактора в опыте, фактора, независимого от нашей воли”¹⁵. Экстенционал любого термина содержит не только объекты, с которыми мы имели каузальное взаимодействие, но и все объекты того же самого вида. Однако выражение “того же самого вида” утрачивает смысл вне категориальной системы, которая определяет, какие свойства выражают сходство, а какие – нет. “То, что делает лошадей, с которыми я не имел взаимодействия, принадлежащими к “тому же самому виду”, что и лошади, с которыми я имел взаимодействие, – так это тот факт, что и вторые являются лошадьми”¹⁶. Поэтому хотя Патнэм и признает, что в определенном смысле мир состоит из самоидентифицирующихся объектов, однако, по его мнению, эти объекты нельзя считать независимыми от сознания. Это рассуждение Патнэма самым непосредственным образом направлено против его прежней концепции референции, опирающейся на эссенциалистские допущения. Теперь эти эссенциалистские допущения заменяются тезисом о самоидентифицирующихся объектах, которые легко увязываются с концептуальными схемами, создаваемыми людьми.

Однако и это решение в дальнейшем будет признано Патнэмом неудовлетворительным в силу того, что в нем еще очень силен менталистский элемент. В начале 90-х гг. Патнэм¹⁷ признает, что своей прежней позицией ему не удалось полностью преодолеть картезианский взгляд на природу ментального как на некоторую область взаимодействия между нашими когнитивными способностями и объектами внешнего мира, область, которая представлена “чувственными данными”, “ощущениями”, “ментальными репрезентациями” и т.д. Этот картезианский подход, согласно Патнэму, не оставляет иной возможности объяснить референцию языковых выражений как каузальным взаимодействием человека с внешними объектами, обозначенными этими выражениями. Однако учитывая, что значения истолковываются здесь как “ментальные образы”, локализованные исключительно внутри сознания, каузальное объяснение референции оказывалось задачей столь безнадежной, что оно не раз толкало философов к принятию того или иного варианта идеализма – в частности толкнуло его, Патнэма, к признанию зависимости внешнего мира от сознания, от наших концептуальных схем и т.д. Новое решение, предлагаемое Патнэмом, уже полностью в духе Витгенштейна.

Согласно этому решению значение лингвистических выражений является тем, что *показывает себя* в наших словах и предложениях. Когда мы слышим или читаем слова и предложения, мы не воспри

нимаем их как простые “звуки и знаки”, в которые должно быть “вставлено” значение, находящееся вне их и присутствующее в нашем сознании как некая “ментальная сущность”. Мы воспринимаем значение в самих словах и предложениях, но отсюда не следует, считает Патнэм, что значение присуще им от природы. Наши слова и предложения обладают значением, потому что имеет место определенная “техника употребления”, благодаря которой значение *показывает свое лицо* в них. Здесь Патнэм использует идею Витгенштейна о том, что мы можем “видеть лицо” одной деятельности в другой (как мы *видим* изображение человеческого лица в различных конфигурациях линий и точек). Одна деятельность может *показывать* себя в другой благодаря тому, что все виды человеческой деятельности тесно увязаны друг с другом, образуя сложную и разветвленную систему. Поэтому и мышление – это не отдельно стоящая деятельность, не поддерживаемая никакими другими видами деятельности. Оно вплетено в сложную систему практик как лингвистических, так и нелингвистических.

Итак, на примере семантических идей Патнэма мы рассмотрели еще одну попытку изъять теорию значения от менталистских допущений. Начав с отрицания того, что значения слов, представленные “ментальными образами” в сознании человека, определяют референцию этих слов, Патнэм постепенно пришел к нементалистской трактовке значения. Первым шагом в этом направлении было определение значений как концептов, которые представляют собой не “ментальные репрезентации”, а знаки, употребляемые ситуативно надлежащим образом. Однако в этой позиции еще не полностью был изжит ментализм, поскольку предполагалась активная роль сознания (в частности, концептуальных схем) в создании окружающего нас мира. Поэтому следующим шагом было “вынесение” значения за пределы сознания и увязывание его с системой разнообразных человеческих практик, с тем фактом, что одна деятельность может *показывать себя* в другой.

Патнэм вовсе не одинок в этом своем решении. Еще в 70-е гг. критика традиционного подхода со стороны создателей новой теории референции подтолкнула некоторых философов, прежде всего Т.Берджа и Г.Эванса, к выводу о том, что дескриптивная семантика Фреге и Рассела опирается на ошибочные менталистские допущения. И решение, предложенное Берджем и Эвансом, также было построено на идеях Витгенштейна.

В заключении мы хотели бы коснуться вопроса о том, насколько успешной оказалась эта очередная попытка избавиться от понятия

смысла и связанных с ним “менталистских” допущений. Конечно, нельзя не признать, что эта попытка способствовала формированию более адекватного и глубокого представления о том, как функционирует язык и как осуществляется его взаимодействие с окружающим миром. Критика традиционной теории значения выявила реальные проблемы, связанные с дескриптивистской трактовкой значения. Однако вынося приговор “традиционной теории значения”, не следует забывать о тех проблемах, для решения которых Фреге и Рассел обратились к дескриптивной семантике. Может ли новый подход справиться с парадоксами теории именованя? По существу, новая теория референции содержит решение для наиболее простого случая, а именно – для случая обычного употребления имен, и не предлагает никаких путей решения этой проблемы в случае косвенной речи, хотя именно этот случай представляет наибольшую трудность для семантики. Да и конструктивные идеи сторонников новой теории референции, как мы видели, связаны с довольно сильными допущениями, истинность которых вовсе не очевидна. Поэтому, на наш взгляд, спор с традиционной теорией значения еще не окончен.

---

¹ Которая, конечно же, не сводится к упомянутым постулатам, однако для целей нашего рассмотрения мы можем ограничиться таким ее изложением.

² Достаточно упомянуть здесь Рассела и Витгенштейна.

³ Хотя Карнап дал им строгое логическое определение, в современной литературе они часто употребляются нестрого, как синонимы фрегевских понятий.

⁴ Главная идея критики Крипке состоит в том, что традиционный механизм установления референции имен собственных не работает. Крипке выдвигает аргументы в виде моделируемых ситуаций, когда объект, на который указывает имя, не соответствует связываемой с этим именем дескрипции. Например: какой-то человек знает о Ричарде Фейнмане только то, что тот является известным физиком. Хотя дескрипция “известный физик” не может никого индивидуализировать уникальным образом, тем не менее, полагает Крипке, естественно считать, что имя “Фейнман” в устах рассматриваемого человека все же обозначает Фейнмана. Или, например, какой-то человек может считать Эйнштейна изобретателем атомной бомбы. В этом случае, по мнению Крипке, естественнее было бы признать, что когда этот человек произносит имя “Эйнштейн”, оно обозначает, несмотря на связываемую с ним ложную дескрипцию, Эйнштейна и никого другого. Или, например, мы связываем с именем Аристотель следующую совокупность дескрипций: “ученик Платона”, “учитель Александра Македонского”, “последний великий философ античности” и т.д. Допустим, что в силу ошибочности исторических свидетельств этим дескрипциям единственным образом удовлетворяет другой философ. Тогда какого же из этих двух философов будет обозначать имя “Аристотель”? Согласно традиционному подходу

это имя обозначает того, кто удовлетворяет перечисленным дескрипциям. Крипке же выражает, что имя “Аристотель” обозначает того человека, которому это имя было дано при рождении, независимо от того, удовлетворяет этот человек дескрипциям, обычно связываемым с этим именем, или нет. Даже если бы Аристотель не был учеником Платона или учителем Александра Македонского, тем не менее, считает Крипке, имя “Аристотель” все равно указывало бы на него. Для более строгого выражения своей идеи Крипке вводит понятие *жесткого десигнатора*, который обозначает один и тот же объект в любом возможном мире, в котором данный объект существует, и утверждает, что имена собственные являются жесткими десигнаторами.

⁵ Putnam H. Is Semantics Possible? // Putnam H. Mind, Language and Reality. Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge, 1975. P. 140.

⁶ Putnam H. Reference and Truth // Putnam H. Realism and Reason. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge, 1983. P.74.

⁷ Патнэм Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982. С. 384.

⁸ Безусловно, трудно не согласиться с этой “социолингвистической гипотезой” Патнэма. Аналогичную идею (хотя и не называя ее разделением лингвистического труда) высказывал в свое время еще Лейбниц. Так в “Новых опытах о человеческом разумении” (в разделе “О словах”) Лейбниц пишет: “Вы видите, таким образом, что название, например “золото”, означает не только то, что знает о нем человек, произносящий это слово (например, что оно желтое и очень тяжелое), но и то, чего он не знает и что знает, может быть, другой человек – что оно тело, обладающее внутренним строением, из которого вытекают цвет и тяжесть его и возникают еще другие свойства, известные, как он признает, знатокам”(Лейбниц Г. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 2. С. 361).

⁹ Putnam H. Truth and Reference. P. 71.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 73.

¹² Evans G. The Causal Theory of Names // Naming, Necessity and Natural Kinds /Ed. S.P.Schwartz. Ithaca etc., 1977. P. 193.

¹³ Hacking I. Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Sciences. Cambridge, 1983. P. 77.

¹⁴ Putnam H. Reason, Truth and History. Camb., 1981. P. 18.

¹⁵ Ibid. P. 54.

¹⁶ Ibid. P. 53.

¹⁷ См.: Putnam H. Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into Powers of the Human Mind // Journal of Philosophy. 1994, Vol. 91. № 9. P. 445–517.